«Советская культура»
Москва
12 ОКТ 1963

УДАЧИ И ПРОСЧЕТЫ

НА ГАСТРОЛЯХ В СТОЛИЦЕ

Заметки о спектаклях Смоленского театра

...1963 год. Успешно закончен сезон, принесший Смоленскому театру ряд творческих удач. Начались гастроли. Харьков, Брянск, Калуга. Перелистываю газеты...

«Для харьковчан гастроли театров других городов и даже московских — не новинка. Но то, что мы увидели вчера у смолян, — восхитительно»,—читаю в «Письме из Харькова», помещенном 18 мая 1963 года в смоленской газете «Рабочий путь». На следующий день похвалили «Дениса Давыдова» в харьковском «Красном знамени». «Зал аплодисментами встречает и провожает полюбившихся героев спектакля, аплодисменты возникают в середине действия, в середине монологов...»,— говорится о том же спектакле в заметке из Харькова, помещенной в «Рабочем пути».

Газета «Брянский рабочий» сообщает, что первый спектакль гостей «прошел с большим успехом», провожая их, констатирует: «...спектакли обогатили сердца и души брянских зрителей».

Не менее восторженно театр встречает Калуга. «Первое представление прошло с исключительным успехом. И когда закончился последний акт, на сцену, в руки артистам, из зала полетели десятки букетов живых цветов», — рассказывается в корреспонденции, опубликованной в «Рабочем пути».

«Восхитительно», «большой успех», «спектакли обогатили сердца и души... зрителей»... В цветах и аплодисментах потонули немногие критические замечания рецензентов.

Гастрольная пресса. Это особый род гостеприимства. «Брянский рабочий» так и пишет: «...гостей не принято критиковать». Но много ли пользы принесет подобная пресса театру? Смолчать из вежливости, когда видишь недостатки, не значит ли это, соблюдая лишь форму гостеприимства, остаться, по существу, равнодушным к творческой судьбе гостей? Гостеприимство— это прежде всего доброжелательство. Но желать добра надо активно, действенно, не боясь лишний раз и огорчить, если это пойдет на пользу делу.

Все четыре постановки, показанные на сцене Кремлевского театра смолянами, вызывают чувство искреннего уважения к способному, творчески интересному коллективу. Именно это уважение не позволяет мне остаться равнодушной к некоторым его художественным просчетам.

Начну с «Дениса Давыдова» — спектакля, особенно любимого коллективом и вызвавшего наибольшие споры в столичной театральной среде.

«Денис Давыдов» — такой пьесы не было. Было оперное либретто В. Соловьева, живо и увлекательно, стихом звучным и емким рассказывающее о некоторых эпизодах из жизни героя-партизана. Смоленский театр вместе с автором провел значительную редактуру текста, [illegible] в иную «жанровую тональность». При этом дело не ограничилось редакционной ретушью. Были и значительные композиционные изменения. В частности, в спектакль введено несколько сцен из исторической хроники того же автора—«Фельдмаршал Кутузов». Словом, работа была проделана огромная. И пьеса, рожденная в коллективе, стала его любимым детищем.

Партизанское движение, зародившееся в 1812 году в лесах Смоленщины, «та скрытая, как говорится в физике, теплота патриотизма» (Л. Толстой), которая превращается во время войны в мощное народное движение, — вот что стало главным в спектакле (режиссер Е. Гельфанд).

У нас ведется исстари —
Пока есть кони быстрые,
Пока есть сабли острые,
А мы сидим в седле, —
Врагу у нас не здравствовать,
Не властвовать, не царствовать
На русской земле! —

постоянный рефрен героической комедии (как определен жанр спектакля).

Лучшие сцены, обладающие стилевым и жанровым единством, те, где действует Кутузов. Его образ раскрывает основную идею спектакля. Фельдмаршал служит не царю, а народу, выражает народную, а не государеву волю. Кутузов у артиста С. Чередникова как будто даже самый обыкновенный человек, но человек, простота которого воплощает зрителю народную мудрость. Знакомясь с Кутузовым Чередникова, невольно вспоминаешь Кутузова Л. Толстого — так глубока, так исполнена культуры работа артиста.

На первый взгляд, и работа актера Г. Банникова, исполняющего роль Дениса Давыдова, как будто безупречна. Его герой горяч и порывист, глубоко предан Родине, смел и, может быть, даже внешне похож на Дениса Давыдова... Но чем больше узнаешь его Давыдова, тем больше ощущаешь внешнюю фотографичность образа: исполнителю не хватает той «портретной» глубины, которая включала бы не только внешнее сходство, но и историческую достоверность, предлагала бы свое понимание характера. Так до конца и не веришь, что именно этот человек был инициатором партизанского движения. Не видишь «любимца солдат». Может быть, поэтому и подвиг денщика Андрея, пожертвовавшего собой ради спасения жизни Давыдова (несмотря на удивительно органичную, подкупающую своей искренностью игру А. Амелина), воспринимаешь как нечто театрально-зрелищное...

Большие находки и рядом непростительные потери характерны для этого во многом противоречивого спектакля. Сильно ощутим, в частности, стилистический разнобой.

Эпизоды героического звучания перемежаются с картинами чуть ли не опереточными. (Приди, скажем, опоздавший зритель в момент лирического объяснения Андрея с Настей, и он будет уверен, что попал на оперетту). Их в свою очередь сменяют сцены, полные высокой романтики картины. А затем можно увидеть и водевиль.

Не думайте, что я против театра разнообразного, смелого, отважно пользующегося всем богатством средств сценической выразительности. Я — за. Вероятно, за и все зрители, стосковавшиеся по яркому театральному зрелищу. Но ведь, если соединить, скажем, хорошую реалистическую манеру игры с плохим пением, вряд ли родится новое в искусстве. Если даже исполнители и в совершенстве владеют средствами сценической выразительности различных жанров, но жанры эти соединяются в спектакле неорганично, механически, без взаимопроникновения, если обращение к ним не продиктовано настоятельным творческим стремлением наиболее полно выразить мысль, идею произведения, синтетичность оборачивается эклектикой.

Определяя меру искусства этого спектакля, приходится серьезно говорить о мере вкуса. Эта проблема для Смоленского театра важна чрезвычайно.

«Денис Давыдов» изобилует эпизодами, которые могли быть поставлены точнее, строже, с большим вкусом. Так, нарочитыми кажутся застывшие по краям сцены, осененные бронзовыми ветками партизан и партизанка войны сорок первого года, призванные, видимо, демонстрировать преемственность патриотического партизанского движения. Неприятное чувство оставляет заполненная жалкими, картонными фигурами картина бала у помещика Масленникова. Сцена, когда Давыдов поет слащавый романс, что, вероятно, должно убедить зрителя в поэтической возвышенности души героя, также отнюдь не свидетельствует о хорошем вкусе. Большую досаду вызывает и бал в Петербурге, где умная и тонкая игра А. Щеголева (лучшая из работ актера, показанных во время гастролей) и с большим темпераментом поставленный эпизод появления Давыдова (очень сильный драматургически) лишь подчеркивают оперную картинность происходящего.

Другой спектакль смолян — «День рождения Терезы» Г. Мдивани — тоже ярок и красочен. Стилистическая эклектика свойственна ему в меньшей степени. Но здесь подчас складывается впечатление, что режиссер Е. Гельфанд, увлеченный созданием крупного сценического полотна, стремлением передать героизм и жизнелюбие народа острова Свободы (что ему во многом удается), пренебрегает иногда работой с теми, кто призван эти замыслы воплотить, то есть работой с актерами.

Так, Н. Шошенковой в образе веселой, энергичной, обаятельной Терезы не всегда удается подчеркнуть главное — мужественный патриотизм. А. Щеголев, порадовавший нас в «Денисе Давыдове» (Александр I), не устоял перед соблазном порисоваться картинно-мужественной смертью художника Гамильтона. Да и весь спектакль, в первой своей части покоряющий искренней непосредственностью, во второй выглядит несколько поверхностным.

И третий гастрольный спектакль. Никакой броскости. Никаких внешних эффектов, если не считать крайне неудачных диапозитивов, воспроизводящих «природу» за стенами палаты. Течет будничная больничная жизнь. Четверо в палате. У каждого свое. У этого пустяковая операция, тому предстоит сложнейшая. Этого жена любит, славная такая жена. А тому изменяет...

Идет спектакль «Палата» С. Алешина. Зритель следит за развитием действия. Но без особого интереса, так как актерские характеристики прямолинейны, образы фотографичны, им недостает глубины и емкости. Трудно, скажем, ощутить в исполнении Щеголева несгибаемый характер коммуниста, талант большого писателя Новикова — чаще видишь просто тяжелобольного. Учитель Терехин (К. Завистовский) главным образом жалеет себя, и поэтому зрители его не жалеют ничуть. И вдруг появилась обыкновенная женщина. Но, спорит ли она с писателем Новиковым, говорит ли ему о своей любви, все звучит у актрисы Н. Надеждиной так убедительно, что не поверить ее умной и славной Ксении Ивановне невозможно. На мой взгляд, работа Надеждиной — лучшая в спектакле. Хочется помянуть добрым словом и В. Семенова в роли Гончарова.

Оба артиста еще раз подтверждают здесь, что творческие возможности коллектива смолян незаурядны. Еще отчетливее свидетельствует о том постановка «Дикаря» («Наивный человек») Вольтера (инсценировка В. Шершеневича и Л. Пальмского), хотя, казалось бы, по линии вкуса именно здесь театр подстерегают большие опасности: ведь куда как легко было увлечься чистой развлекательностью пикантных ситуаций в ущерб язвительной вольтеровской мысли!

...Появился на сцене Наивный (Г. Банников) и захватил зал неиссякаемой молодой энергией, пленил чистотой и богатством открытого сердца. Обаятельный, простодушный и благородный дикарь стал настоящим героем спектакля. Вместе с ним, его глазами заново увидели зрители всю жестокость, лицемерие и ханжество «цивилизованного» мира... Гневное публицистическое звучание антиклерикального произведения Вольтера хорошо сумел передать режиссер Л. Велявский. Его работа отличается и чисто профессиональным мастерством. Ему удалось сплавить воедино гротеск и лирику, наполнить постановку ироническим вольтеровским смехом, продемонстрировать хороший вкус и сценическую культуру.

...Но вот и эти — столичные — гастроли закончены. Когда смотришь на театр издали, ясно видишь: у коллектива четкие идейные позиции, опытный руководитель, способная труппа. И все-таки есть о чем задуматься...

Создается впечатление, что, слишком полагаясь на интересный и значительный репертуар, справедливо заботясь прежде всего о том, чтобы донести основную мысль произведения, режиссура и актеры Смоленского театра иной раз бывают не очень требовательны к воплощению этой мысли.

Все эти недостатки вполне устранимы при условии, если Смоленский театр, отвергнув формулу гастрольной прессы «гостей критиковать не принято», отнесется к своему творчеству более требовательно.

Д. АБРАМОВА.

Сцена из спектакля Смоленского драматического театра «Денис Давыдов». Слева Денис Давыдов — Г. Банников, фельдмаршал Михаил Кутузов — С. Чередников.
Фото Н. ГРАНОВА.